

ПОЛУСТАНОК

Позабывтый полустанок
Скрылся в чаще, как подранок,
Два пути, четыре стрелки
Да фонарный столб,
Под столбом коптит дежурка
Промороженная жутко,
Потолок в густой побелке
И дубовый стол,

В уголке башмак да курбель,
На стене картина с Кубой –
Золотой песок на пляже,
В пальмах берега,
А за дверью вихрь да вьюга
Гулко лают друг на друга
Так, что в снежном камуфляже
Спряталась тайга.

И в дали рябой, суровой
Свистнет редкий маневровый,
Пожилой дежурный с кашлем
Бросит в кипяток
Почерней щепотку чая
И курнёт, гостей встречая;
Машинист рукой помашет:
Будь здоров, браток!

Через час метель утихнет,
Замолчат, угнувшись, пихты,
Отойдёт ко сну бесечно
Весь сибирский лес,
А дежурный тенью пегой
Побредёт один по снегу
Вдоль бегущих, словно в вечность,
Параллелей рельс.

ПО ДОРОГЕ К ХРАМУ

По дороге к храму
Древние старушки
Теребят полушки,
Да стучат клюками.

Нищие крестя́тся,
Умиляясь, плачут,
Кланяясь, подачам.
Воробы бранятся,

Девочки в платочках,
Тихие монашки,
Мальчуган в рубашке,
В тапках без носочков.

Во блаженстве мамы,
Как Христа, младенцев

Греют в полотенцах
У купели храма.

Молодых венчают,
Как веками прежде,
Тут не по одежде –
По душе встречают.
Очень блещет золотом,
Догорают клёны,
Колокольным звоном
Тишина распята.

Дол туман укутал
Божьей благодатью,
Растянулись гатью
В вечности минуты.

По дороге к храму
Люд плетётся к Богу,
Узкой той дорогой,
Да прямою самой.

АВГУСТ

В дом ко мне зашёл проститься
Август – месяц звездопада,
В уголке коптит лампада,
Застонали половицы,

На столе пирог из яблок;
Во дворе увидев кошку,
Пляшет румбу на окошке
Хитрый Васька – рыжий бабник.

Через дверь трещат цикады,
Старый пёс рябой породы
Воет опусы и оды
Засыпающему саду.

Мы, гремя сервизом чайным,
Пили сидр, кричали тосты,
Август бережно и просто
Разгадал мои печали.

Он тайком ушёл с рассветом
Плачем мухи в паутине,
Сквозняком качнул картины
И забрал с собою лето...

СОРОК

Снег бездушно облизал ворот,
Запорошены домов ставни,
А сегодня мне с утра – сорок, –
Время собирать камни.

Изо рта льёт мороз паром
И тоскою в груди гложет;
Отдаёт жизнь, считай, даром
Прокрустово своё ложе.

Заскрипят по крупе лыжи
И следами уйдут к лесу.
Так кому ты теперь ближе –
Ангелу или бесу?

День сгорит, и немой вечер
Озарит мир путем Млечным;
Пред тобой – только тьма и вечность,
Выбирай, человече.

СОРАНГ

Распроклятый буран –
Ни черта не видать...
Поскорее б от ран
Богу душу отдать
Или снежной крупой
Получая по дых,
На подъёме крутом
Вмёрзнуть в вечные льды!
Сколько жить мне ещё?
Может, час, вряд ли два...
Перебитым хрящом
Смяты в горле слова,
Окровавленных ног
След ложится на наст,
А всезнающий Бог
Так не вспомнил о нас.
Не оправдан давно
Твой расчёт, капитан,
И нелеп, как бревно,
Горделивый твой стан,
Можешь до хрипоты
Умолять Божий лик –
Не вернуться в порты,
Сгинут здесь корабли.

Я умру в пять утра,
Понесёт далеко
Жаркий ветер соранг
Лист моих дневников,
Где-то в сельской глуши
Запоёт суховой,
Вдруг застанут в тиши
Колокольни церковей,
И заплачет, портрет
Прижимая к груди,
Та, что выла вослед:
«Только не уходи...»

Когда закончится зима –
Сбежит, собрав в котомку стужи,
То воробьями в первых лужах
Придёт безусый, робкий март.

Разбудит спящие дворы
Ночной кошачьей серенадой,
Закружит кораблей армады
В ручьях, под крики детворы.

Капель, когда уйдёт зима,
Гимн солнцу отстучит по строфам,
И засияет Петергофом
Мой покосившийся сельмаг.

В тягучей синеве небес
Зальётся жаворонок первый,
А мальчик с веточкою вербы
Произнесёт: «Христос воскрес!»

ДОМ

В самой сердцевине ночи
Ветер скрёбся серой мышью,
Домовым ходил по крыше,

Мир до нитки был промочен,
От небес и до обочин.

Утонув в своей печали,
Дождь завис над старым домом,
В нём коты мурчали в дрёме,
Шевелились тени в зале,
А часы тихонько стали.

И в безвременье оставшись,
Дом казался чем-то вечным,
А капель, как стук сердечный,
Через форточку прокравшись,
Приглушала пошепт речи
Двух влюблённых, двух беспечных,
Двух уставших,
в дождь не спавших.

Бродил октябрьский листопад
Босым по саду,
Промокший с головы до пят,
Шуршал с досады,

Швырял озябшую листву
На паутину,
То буен был, как Вельзевул,
То тих, как инок.

Нарвав рябиновый букет
И став багровей,
Он красил землю в терпкий цвет
Венозной крови,

И на кошме нашел привал,
Средь скисших яблок,
Где тихо осень отпевал
Последний зяблик.